

то, что Замыслилось

Я ХОЧУ писать не о нас в Лондоне, а о том образе Лондона, Англии, англичан, который остался в нас. Этот образ складывается из множества мелочей быта, разговоров, встреч, мимолетных и длительных впечатлений, улиц, кино, театров, галерей. Образ этот, разумеется, весьма субъективен, и любой из моих товарищей, возможно, расскажет об этом совершенно иначе. В чем-то мы сойдемся, в чем-то будем противоречить друг другу, но я не буду искать среднего, объективного между впечатлениями всех, а расскажу только то, что видел сам.

Со мной работал костюмером молодой симпатичный парень по имени Джим. День за днем мы все больше привыкли понимать друг друга, и я с изумлением узнал, что он актер.

— Почему же вы работаете костюмером?

— Деньги нужны!

— У вас нет работы по специальности?

— Неделию назад я кончил сниматься в одном фильме.

— В большой роли?

— В главной.

— А дальше?

— Через два месяца у меня начнется контракт с одной провинциальной труппой.

— Значит, дела идут неплохо?

— Вполне!

— Почему бы вам сейчас не отдохнуть?

— Деньги нужны...

Мы гуляли по паркам Лондона, Стрэдфорда и Виндзора. Только тут я понял всю прелесть газонов. У нас газоны ограничивают дорогу. Там дороги для того, чтобы войти или выйти из парка, а гуляют, сидят, лежат на газонах. И трава не мнется, не вытаптывается. В парк можно хо-

Здесь все создано веками, вошло в привычку.

В ЛОНДОНЕ курят везде — во всех кафе, ресторанах, буфетах, закусовых и автоматах, в кинотеатрах во время сеансов, в метро — на платформах и в поездах, на сцене во время репетиций и в зрительном зале. Окурки чаще всего бросают на пол, на землю, на толстые километровые огнеустойчивые ковры. Но в городе чисто. Идет незаметная и непрерывная уборка. Это тоже традиция. Есть один грязный день в неделю — воскресенье, когда все выходные, когда все состоятельные люди мчатся за город, в леса и к морю, а менее состоятельные гуляют с деть-

и районам, в которых они живут. Очень многие имеют машины, но владелец «фиата» не ровня владельцу «ролс-ройса».

Впоследствии один известный французский артист рассказывал мне, что для заключения ряда серьезных контрактов он должен был купить и повесить на стену несколько картин Пикассо, которого он не любит, а также приобрести самолет. Контракты этого уровня требуют подобных атрибутов и без них невозможны. Человек он весьма богатый, но его круг, его «район» предусматривает точно, на что он должен тратить свои деньги, что обязан иметь...

При всем том в общении людей отсутствует чванство. Чопорность, неприступность англичан оказалась мифом. Они общительны, склонны к шутке, сердечно-вежливы. Впрочем, не стоит пытаться делать глубокий анализ по поводу поверхностных впечатлений.

Насколько я знаю, ни один человек из нашей группы не уехал из Англии, не оставив там новых друзей или приятелей, или просто знакомых, с которыми приятно было бы встретиться снова. Я уже говорил о сердечности и душевности англичан по отношению к нам, и это их заслуга, что мы с такой теплотой вспомина-

вали многие газеты. У англичан весьма слабое представление о шефской работе...

Вот после концерта-то и завязалось большинство знакомств. Я разговорился, а потом и очень подружился с маленькой, худенькой, очень смуглой женщиной по имени Зуина и ее супругом, которого она звала Бас. Бас — длинный, худощавый шотландец лет 45, с чудной, истинно веселой улыбкой. Зуина, по предъявлению визитной карточки, оказалась княгиней Зуиной Бенхалла. Но не пугайтесь, это только титул, подчеркивающий ее алжирское происхождение. Оба они действительно простые, скромные труженики искусства — он сценарист телевидения, она поэтесса, пишущая на французском. Любовь к французскому языку стала первой темой нашего разговора.

Потом мы бывали у них дома и в домах их друзей, они были у нас в театре. Мы говорили о многом. Много удивляло нас друг в друге, многое оказывалось спорным, но простота разговоров и желание понять друга друга делали все споры приятными. Они живо интересовались советской прозой, поэзией, драматургией, которые довольно плохо известны в Англии. Зуина подарила нам книгу своих стихов «Звуки и видения», и она тоже стала предметом разговоров. Они стали нашими проводниками по городу, и мы познакомились с художниками, журналистами, актерами, писателями. У меня стоит в глазах их скромная маленькая квартира, увешанная прекрасными гравюрами и картинами — подарками друзей, и Зуина, которая, чуть расквашиваясь, волнуясь, поет песню, написанную на ее слова, а Бас, сидя на подоконнике, курит трубку и, как всегда, улыбается.

МЫ УЛЕТАЛИ. В Париж. Все-таки в Париж! На аэродроме плакала Санди О'Ханлон, милая ирландка, наша костюмерша, студентка театральной школы, на удивление живая, непосредственная девчонка, которая, наверное, будет хорошей актрисой.

Мы махали шляпами, но за таможенной чертой уже трудно было кого-нибудь разобрать. Мы махали всем, с кем познакомились в этой стране, — Лоренсу Оливье и костюмеру Джиму, Зуине Бенхалле и ее Басу, художнику Аллену Давиду и актрисе мюзикла Вивьен Мартин, нашему продюсеру мистеру Добни. Мне хотелось бы рассказать о них подробнее и через них что-нибудь о художественной жизни английской столицы...

Мы поднимались по трапу на самолет. До свиданья! Спасибо. Никогда больше мы не назовем англичан чопорными...

Рис. А. Гаричева

Лондон—Париж—Ленинград.

Продолжение следует.

Стрэдфорд. Отель.

ми и собаками по Гайд-парку, молодые целуются и катаются на лодках, слушают тоже традиционных ораторов, а старые лежат в шезлонгах, разглядывая блеклое северное небо. Город пуст, завален окурками, кожаной апельсинов и газетами.

Но вот раннее утро понедельника. И город снова чист, радушен и неприступен в своей верности традициям.

...Мы шли после спектакля по мосту Ватерлоо. Была суббота. Медленно гуляли семьи. Очень красиво было Вестминстерское аббатство, подсвеченное скрытыми фонарями. Мы перешли на другой берег. Открылась громада вокзала Ватерлоо. Мы вошли внутрь и впервые попали в иной мир — бездомных, потерянных, сломанных. Странные и страшные люди окружали нас. Смотрели просительно и недружелюбно, лежали на скамьях, слонялись беспечно. Такие же глаза я видел потом у других людей, только хорошо одетых, с вылизанными проборами. Они смотрели из окошечек касс стриптизов, подозрительных книжных магазинов, странно пустоватых кафе в районе ночной жизни — Сохо. Чем дальше мы шли по переходам подземной площади, тем больше их становилось. Мы повернули назад. Чуть сблизившись с пути и пересекли Темзу не по мосту Ватерлоо, а левее, по широкому железнодорожному мосту с узкими пешеходными тропами, боковой железной дороги. Слепящий свет. Грохот. И парочки, слившиеся, прилипшие к перилам высокого моста, неподвижные и немые. Не видно ни одного лица. Только затылки и руки. Почему они стоят здесь, а не на соседнем Ватерлоо, где так широко, и красиво светится Вестминстер?..

Несмотря на всю поверхностность наших наблюдений, мы заметили к концу нашего пребывания в Англии, что районы Лондона отделены друг от друга невидимой, но трудно переходимой чертой. На улице все равно, демократизм поведения людей в общественных местах абсолютный. Не то внутри домов. Люди принадлежат не только своим профессиям, не только клубам, которых по-прежнему в Англии бесчисленное множество, но

ем холодный майский Лондон.

Днем решительного сближения английских и советских работников искусства, или, как принято говорить, днем налаживания личных контактов, стало воскресенье 15 мая. В воскресенье все зрелища закрыты. В свой выходной день мы давали концерт для театральной общественности в королевской академии драматического искусства. Мы играли сцены из многих спектаклей, эстрадные номера. Зрительский прием был подогрет еще самим фактом, что советские артисты в свой единственный выходной день бесплатно дают огромный концерт для коллег. Об этом факте пи-

Лондон. Оксфорд-стрит.

дить с собаками. Они без намордников. И почему-то не кусаются. Может быть, именно потому, что без намордников... Вокруг прудов ходят дикие утки. На них не охотятся ни собаки, ни люди. Традиция. Традиция!

Рассказали такой анекдот. Американцы купили в Англии семена немнущейся травы, и удобрения, и машины для стрижки. Посадили, пустили на траву публику и вытоптали в две недели начисто. Скандал. Иск. Приехал специалист из Англии — семена те, машины те, сроки те, удобрения те.

— Но ведь не растет! — закричали покупатели.

— Должна расти. Теперь стригите ее 400 лет, как мы, и вырастет.

См. начало в номере от 21 августа.

СМЕНА

г. Ленинград

23 АВГ 1966

293